

18+ Александр Волог



Берегиня

Александр Волог Берегиня

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54033062

ISBN 9785449865946

Аннотация

2-е издание книги стихов (лирика и поэмы). Другие книги автора в изд. Ridero: «Ранняя Русь», «Лицом к воде. Остров Верности», «Эта долгая война».

Содержание

Содержание	7
Берегиня. Книга стихов	7
Стихи 1837 года. (Из дневника кавказского офицера)	8
ОТ АВТОРА	9
Берегиня	10
Берегиня	11
Входите	13
Слёток	14
Предназначение	15
Час чтения	16
Юрию Полякову	18
Барометр	20
Мы были наблюдательны, писаки	22
Огонь горяч, когда жара	23
Одним – огонь. Другим – ветра лихие	24
Молчание	26
Люди для людей	28
Мамин вальс	29
Отец	31
Детство	33
Старые игрушки	34
Воспоминания о настоящем	36

Не надо уходить	38
Вите и Юре	40
Нечаянная радость	41
Сказка для дочки	42
Божьи коровки	45
Не вытравить: безжалостное лето...	46
Коротко о погоде	47
Движимый вокзал	49
Непониманье	51
От холоду	52
Фантазия для пишущей машинки	54
Кухонная элегия	55
Три выдержки из женской болтовни	56
Вадик	57
Мужчина и женщина	59
Клуб однолюбов	60
Из Японии с любовью	62
Назначение	64
Ночные попутчики	66
Спины	67
Необходимость света	69
Исполнение обязанностей	70
Эшелоны	71
Бодрствующая смена	73
Полигоны	74
Учебные стрельбы	76

Обережный круг	77
Ночь тревоги	79
День рождения	80
Зона	82
Песня пули	84
Мужество	86
Баллада отбившегося	88
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Берегиня

Александр Волог

© Александр Волог, 2020

ISBN 978-5-4498-6594-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Содержание

Берегиня. Книга стихов

**Стихи 1837 года. (Из дневника
кавказского офицера)
Травля. Поэма**

ОТ АВТОРА

Во втором издании книги «Берегиня» исключена проза и длинные поэмы. Дополнительно включены поэма «Травля» и некоторые стихи того же периода

Берегиня

Берегиня

На заливном лугу,
Среди озёрной стыни,
Живёт на берегу
Богиня-берегиня.

Я знаю, есть она,
Хоть не видал ни разу,
Что бережёт меня
От всяческого сглазу.

И в трудный час иной
К ней сердцем прислонюся.
И летом и зимой
Ей об одном молюсь я:

Сбереги, Берегиня,
От глупой судьбы,
Сбереги от бессилья
Безответной любви,
Сбереги от измены
Неверных друзей,
Сбереги непременно
От нелепых смертей!
Я прошу так немного,

Остальное – смогу.
От всего остального
Я тебя сберегу!

Входите

Слёток

Вспорхнул с ладони серенький птенец
И в тёплом небе потерялся с ветром,
Из трепета берёзовых теней
Умчался в ширь весёлого рассвета.

Какой прозрачный, светло-грустный час!
Звучит прощанья голосочек звонкий...
Так слово удаляется от нас
Небрежным убеганием ребёнка.

Открытоглаз и удивлённо тих
Выходит за калитку жёлтым утром
И покидает нас ребёнок-стих,
Лепечущий свою простую мудрость.

Предназначение

Быть может, пресекая зло,
не только книги сжечь – бумагу?
Костер размахивает флагом...
Всё так смешно, и так светло...
Листов истлевших вороньё.
Ночь. Ожидание мороза.
И честный пепел целлюлозы.
И не на чем писать враньё.
Нужна глухонемая тьма,
бескнижные слепые зимы,
чтоб стало нам необходимо
предназначение письма.

Час чтения

Донна Ночь с доном Ветром пускается в пляс.
Притушила фонарь лунноликая сводня.

Это – там.

А внутри – откровения час
И открытая книга, страница – сегодня.

Пусть прочтутся на ней не сюжет и талант,
А глубинная, лучшая суть человека.
Пусть подскажут, как жить Амадис и Роланд
Тугодумному рыцарю тёмного века.

Еле теплится свечки трусливый огонь,
Неуверенный свет препирается с тенью,
И в дырявой конюшне некормленный конь
Не встревожен высоким своим назначеньем.

Где-то в хламе ржавеет ненайденный меч,
И лопата не ждёт перековки на латы.
И неведомо мысли, ещё не крылатой,
Что таится под спудом, на самом уме.

Из породы словес не блестит серебро...
Но читатель с надеждой страницы листает.
Он пока не в седле. Он всего лишь читает,

Чтобы выяснить – что же такое
добро.

Юрию Полякову

Промеж креветками и пивом,
Средь разговорчивых коллег,
Мы тоже были говорливы
И пиروвал наш интеллект.

С непринуждённостью танка
Сквозь все проблемы пёр сосед,
И муза, как официантка,
Носила темы для бесед.
Витали во вселенских сферах
Возвышенные голоса,
Как отрицанье будней серых...

А через полтора часа
В земную глушь вернутся трассы,
Как пациенты от врача,
И застоялые пегасы
Начнут копытами стучать,
И Муза сядет у стола
Хозяйкою, а не рабою...

Но тут кончаются слова,
И начинается
работа!

Барометр

Ю. Полякову

Привычная бездумная жара.
Упревшие косцы у речки курят.
В саду мальчишкин голос: «Мне – чура!»
А я уже показываю: «Буря».

Меня костят в напуганных домах.
Кто посмелей – смеётся, балагурия,
И говорит: «Да он сошёл с ума!»
А я упрямо извещаю: «Буря».

Придёт хозяин – раздражён и пьян, —
По мне перстом постукает, нахмурясь,
Со стенки снимет и снесёт в чулан,
Чтобы не видеть предсказанья «Буря».

Я – лишь прибор. Пускай пока чулан.
Меня на показухе не обдурят.
Со мной в связи циклон и ураган,
От них я знаю точно: будет буря.

Придёт холодный фронт в густых громах.
Стемнеет небо, гневно око щуря.

Тяжёлый ветер сотрясёт дома.
На недоверчивых сорвётся буря.

Кто побежит скорей стога прикрыть,
Кто, в дом укрывшись, будет клясть природу...
А я – среди тряпья, тазов, корыт —
Всем предскажу хорошую погоду.

Мы были наблюдательны, писаки

Мы были наблюдательны, писаки,
и совершенно ставили ни в грош
тех, кто не видел, как зимуют раки,
не замечал различности галош.

И наши легкодумные собранья
порою превращались в похвальбу:

– Я видел Облако!... – Я – рот у зданья!

– Я – труп, обросший бородой в гробу!

– Я – женщину – ужеобразно-тонкую!

...Тут кто-то, искривляя бледный рот,
спросил:

Вы видели глаза ребёнка,

который знает, что на-днях умрёт?

Огонь горяч, когда жара

Огонь горяч, когда жара.
Вода мокра, когда дожди.
В опасности – опасен страх.
К успехам – тут же и вожди.

А хочется – зимой тепла.
Сырой воды – в сухих песках.
А хочется – чтоб ты была,
Когда синицы нет в руках.

И я костер в снегу топлю.
Даю голодным семь хлебов.
И в трудный час – вождя творю.
А в горький час – создам любовь.

Одним – огонь. Другим – ветра лихие

Одним – огонь. Другим – ветра лихие.
А третьим – волны и струя руля.
А мне Земля назначена в стихии —
Устойчивая верная земля.

Я схватывался с лопастями ветра,
Влетал в костры, пускался в океан,
Но как надеждой, обещаьем тверди
Звала земля, которой был я дан.

Дарила мне парную мякоть утра,
Наполненность неоднозначных дней,
И леса хаотичную структуру,
Объёмы гор и плоскости степей.

И отходили, и чурались робко,
И становились дальни и чужды
Зыбливость воздуха, огня жестокость,
Холодная податливость воды.

А я входил в неё легко и сразу,
Подбрасывал, сжимал в руках тугих,
И оставлял следы сапог и траков,

Стального плуга и босой ноги.

Кому-то жечь, тем – раздувать и веять,

А этим – орошать и заливать.

А мне назначено – пахать и сеять.

А может быть, и всходы увидеть.

Молчание

«Мысль изреченная есть ложь»

(Тютчев)

Покатилась еловая шишка
и зарылась в приемчивый дёрн.
И спросил беспокойный умишко:
– Для чего же ты, братец, рождён?

Для чего ты пыхтел и старался,
для чего прозябал и потел?
Вот опять у тебя не удался
стих, который случиться хотел.

Ну, отбил все дороги пятами —
от избы лесника до казарм,
но какой же ты правды пытаешь,
если сам не умеешь сказать?

...А у ног побурелая шишка
исполняла своё ремесло:
открывалась легко и неслышно,
чтобы семя потом проросло.

Я хотел у неё поучиться

бессловесному делу семян.
Я хотел у неё подлечиться
от болезни с названием «обман».

Но опять – не случилось, не вышло...
Каждый год прихожу я туда.
Стайка ёлочек выше и выше,
а со мною всё та же беда.

Только там я стою беспечно
и учу откровенья азы.
Абсолютная правда молчанья
замыкает мой лживый язык.

Люди для людей

Мамин вальс

У каждой женщины есть имя.
У каждой женщины есть право.
У каждой женщины есть служба, —
Нам этой службы не понять.
У каждой женщины есть гордость.
У каждой женщины есть слава.
У каждой женщины есть песня —
И этой песне имя – мать.

Ах, солнышко-солнце,
Как нас мало заботит,
Что ты можешь погаснуть,
Нашей жизни звезда!
Приходят возлюбленные,
И жёны уходят,
Но мама – это
Всерьёз и навсегда.

И если нам – мужчины имя,
То есть у нас, мужчин, забота.
То есть у нас такая служба,
И выше службы не бывать, —
Чтоб никогда не горевала
И не тужила отчего-то,

Чему помочь по нашей силе.
Та женщина, чьё имя – мать.

И у меня есть тоже мама.
Ах, мама, ты – моя Надежда,
Моя Эпоха и Планета,
Моя ты Вера и Любовь!
Прости за всё, в чём виноват я,
Взгляни, как ты глядела прежде.
Глазами солнечного света
Сквозь безнадёжность облаков.

Ах, солнышко-солнце,
Как нас мало заботит.
Что ты можешь погаснуть,
Нашей жизни звезда!
Приходят возлюбленные,
И жёны уходят,
Но мама – это
Всерьёз и навсегда.

Отец

Он приходил – тяжёлый и земной,
В движениях неспешен и просторен.
За чёрную шинельную спиной
Мятежно пахло воздухом и морем.

А дома было тесно и тепло,
И всё казалось маленьким и тонким,
И от шагов чуть тренькало стекло,
И пахло щами, пудрой и ребёнком.

Всегда хватало мужиковских дел.
Шёл нескончаемый ремонт в квартире,
Где молоток геолога висел
Как символ памяти о довоенном мире,

Как детская любовь наивных дней
С её весёлым, терпким беспокойством,
Как обещание вернуться к ней,
К рудоисканию и землеустройству.

Но шли послевоенные моря,
С Атлантики шумело зыбью злою.
Погоны. Чёрный китель. Якоря.
А в доме пахнет твёрдую землёю.

Детство

Хочется, чтобы:

маленькая полупустая комната,
где всегда незакончен ремонт,
пластилиновый запах игры
и «Таинственный остров» на стуле,
а за стенкою смех, голоса
взрослых...

Детство – это такая пора,
когда все ещё живы.

Старые игрушки

Постойте! Минутку. Не так торопливо.
Пока что не отданы в руки чужие,
Пока ещё свалка не властна над ними,
Припомните всё, что они вам дарили.

Они позволяли кормить себя кашей,
Бросать и таскать, забывать в огородах —
Коты-в-сапогах и растрёпы-наташи,
И мягкие псы неизвестной породы.

Для них вы с рождения были большими:
Чумазные принцы, ползучие боги,
И вы, любознательные богини,
Для опытаим отрывавшие ноги.

Они верноподданно повиновались
Неловких ручонок приветливой власти,
И вас, как владык и друзей принимали
В своё глуповатое, доброе царство.

Ревнуя родителей, с ними нарочно
Мы в лишние ночи в обнимку вплывали.
А если уж было невесело очень,
Зарёванность щёк мы обних вытирали,

Но в хохоте школьных звонков вырастаешь,
И поезд годов нас увозит всё дальше.
Корнями во взрослые страны врастаешь,
Где есть и измены, и злобы, и фальши.

А там вдруг припрётся бессовестный вечер.
Всё станет тоскливо и очень непросто.
Не сможешь уснуть, и занять себя нечем,
И будешь молчать одиноко, как остров.

И сядешь под форточкой, свет не включая...
Взобравшись, пыхтя, до коленей высоких,
Подлезет к тебе твой потрёпанный заяц
И ухом тихонько щекочет висок...

Воспоминания о настоящем

Чем пахнет детство? Белыми грибами,
На солнышке подтаявшей смолой,
Осиновым дымком субботней бани
И мамою, пришедшею домой.

Есть вкус у детства: вкус лесной кислицы
И разварной картошки с парком,
Вкус родника, которым не напитокся,
И спелой земляники с молоком.

Есть вкус: не знать угрозы опоздания,
Довольным быть, запрятавшись во ржи,
Внезапный вкус открытия рисованья,
И просто вкус – смеяться, бегать, жить.

Есть запах – девочка, и запах – мальчик.
Есть запах – чистота, и запах – грязь.
И дурноватый, тошный запах фальши,
Которую мы чуем отродясь.

Взрослеем. Больше слышим. Дальше видим.
Без трепета относимся к огню,
Без разницы – к удачам и обидам.
Утрачиваем вкус. Теряем нюх.

Не надо уходить

Крутой разряд срывается пробоем —
Обыденности толщу осветить...
Родители уходят на работу,
А сын кричит:
Не надо уходить!

Нет большей супротивности несходства,
Когда их ставит рядом жёсткий век:
Неумолимый идол производства —
И маленький несчастный человек.

Но каждый смертный в этих толщах мгlistых,
Готовых искрою насквозь прожечь,
Есть малое дитя родных и близких,
Товарищей, возлюбленных, друзей.

И все мы, крохи, с детской обидой,
Ревём о том из всех недетских сил,
Что забирает беспощадный идол
Всех тех, кто был и дорог нам и мил.

И с каждой вспышкой их всё меньше в списке,
А идол ненасытен и сердит...
И плачем мы ко всем родным и близким:

– Пожалуйста, не надо уходить!

Вите и Юре

В. М. Ионову и Ю. Ю. Каммереру

Мне снится всё, что я не там живу,
что я живу в совсем другой квартире,
и лампочку под абажуром жгу,
и не кажусь себе мишенью в тире.

И тесноватой комнаты уют
в свои раздумья посвящают книги.
А за окном тихонечко поют
скитальца-ветра вечные вериги
о том, что он который день не спит,
что всё юродствует подруга-вьюга...

И в час, когда яичница шкворчит,
ко мне приходят два старинных друга.
Тогда в углы отходит пустота,
светлеет в доме, и они жуют.
И удивляются, что я живу не там.
И говорят, что правильно живу.

Нечаянная радость

Что такое? Ужель потеплело?
Словно кто-то Природе дал знак.
И метель за окном присмирела.
И куда-то забился сквозняк.

Стало в доме светлей и просторней,
Будто лишний светильник я внёс.
И запрыгал в щенячьем восторге
Мой солидный и правильный пёс.

Воскресенье блеснуло из будней.
Снова я подобрел, зашутил...
Ничего не случилось, как будто.
Просто, давеча друг позвонил.

Сказка для дочки

Расстегну на тебе
шубку.
Я тебе расскажу
сказку.
Приоткрылись твои
губки.
Заблестели твои
глазки.
Это было давно
очень.
Это было в стране
дальней.
Это было плохой
ночью.
Это было в чужой
спальне...
Извини, я не то
что-то.
Это всё из другой
сказки.
Ну-ка, стянем, давай,
боты.
Это что тут? Никак,
краска?

Ну а сказку начнём
снова.

В тридевятом таком
царстве

Проживала одна
дочка.

Проживал с нею кот
Барсик.

А у девочки был
папа.

И была у неё
мама...

Что ты делаешь там,
лапа?

Что-то скусилась ты,
прямо.

Вот, возьми-ка пока
веник.

Я пойду подогреть
чайник.

Ну, а сказку потом
слепим.

Как-то, видишь,
не получается.

А чего так грустят
глазки?

Ты ж большая, не плачь,
полно.

Ведь большим – им нельзя

плакать.

Разве только им очень
больно.

Божьи коровки

Летели по ветру, слабы и неловки,
красные зёрнышки – божьи коровки.
Какое широкое озеро было
для их утомлённых коротеньких крыльев!
Уж виден был берег, заманчиво плотен,
но в воду ронялись они на излёте.

А маленькой девочке жалко их было,
а девочка в воду, робея, входила,
застенчиво ёжилась в брызгах седых
и божьих коровок снимала с воды.

Уж так ей хотелось не быть в одиночку,
пока ещё нету ни сына, ни дочки,
хотелось быть доброй, большою и ловкой,
кого-то спасать – ну, хоть, божью коровку!

Не вытравить: безжалостное лето...

Не вытравить: безжалостное лето,
Пропахшая лекарствами постель,
Ночник и крик – Включите больше света!
Успеем належаться в темноте!

И я включал. И комната пылала,
В сияньи люстры медленно плыла...
Но всё равно, ей света было мало.
А солнышка она не дождалась...

А я живу. В квартирах полутёмных
Меня коробит, как дурной навет,
Тревожный конус света ламп настольных,
Интимных спален пошлый полусвет.

И я, совсем не верящий в приметы,
Косясь в углы, где затаилась тень,
Всем говорю – Включите больше света.
Успеем належаться в темноте!

Коротко о погоде

...В Москве сегодня пасмурно и снег.
Температура – около нуля...
Расставлена бесхитростна снедь.
Хозяин восклицает «Вуаля!»

Разлито в рюмки красное вино.
Сегодня – праздник. Через час – салют...
А там, откуда я, всё время ночь.
Всё время три часа и пять минут.

За дверью – ребятишек голоса.
За окнами – огни, движенье, смех.
А там откуда я – всегда глаза
Под жёлтой синевой прозрачных век.

Там шопоты – зачем и почему?
И запах окончанья бытия.
И сразу – пустота во всём дому.
И всё не просто, там, откуда я.

И даже если скажут: Нет вины!
Отцы церквей, мечетей, синагог —
Есть тёмное соседство глубины.
Так что имел в виду хитрюга-бог?

Неужто это – Окуджава, залп
Салюта, под ладонью женский шёлк,
И виден из окна Речной вокзал...
Всё попросту, всё мелко... Хорошо.

Движимый вокзал

Живём как на причале —
Волна у ног колышется
И чалки отдают.
Живём как на вокзале,
Где всё извечно движется
И временен уют.

Проводим и встречаем,
Следим за светофорами,
Глядим за поворот.
И сам вокзал, качаясь
И стучая платформами,
Куда-то нас везёт.

Но вдруг, хрипя над гамом,
Ворвётся в уши силою —
И встанешь на ветру:
– Отходит поезд «Мама».
– Отходит поезд «Милая».
– Отходит поезд «Друг».

А у других перронов —
События столетия,
Букетов пёстрый лес.

Приходит поезд «Жёны»,
Приходит поезд «Дети»,
«Друзья» – экспресс.

А там, за поворотом,
Уж подаётся задом
Ещё один состав.
Посадка – не забота.
Билетов тут не надо.
Счастливым – он отстал...

Непониманье

Твёрдость глыбы не понять волне текучей.
Яр огонь не понимает плач поленьев.
Что ежу морскому птичье пенье?
Что слепому червю звёздный лучик?

Что для тигра – ненависть шакала?
Что улитке – упоенье бега?
Что Гекубе – интеграл Лебега?
Не понять Гекубе интеграла...
Дряхлость юности непостижима,
А покою не понять движенья.
Чуждо ликование – пораженью,
Тающему снегу – струйка дыма.

Точке недоступны расстоянья,
Человеку – то, что он не прожил...
Люди, люди, как же вы несхожи!
Как преодолеть непониманье?

От холоду

Как холодно! Как в этом мире холодно!
Как будто склад холодного оружия.
В железных сейфах, равнодушной золота,
Касаемся телами, но не душами.

Как холодно! Хранимся в холодильниках
– Хоть некоторым и хранить-то нечего.
А лязг металла стрелками будильника
Отодвигается к утру от вечера.

И отчуждённо раздвигаясь в разности,
Расходимся в глуши непонимания...
А может быть, достаточно бы малости
– Одной теплинки близкого дыхания?

А может быть, достаточно бы крошечки
– Одной улыбки соприкосновения?
Так много праха натрясли подошвами,
Что и не видно головней горения.

И в неприкаянности одиночества
Касаемся холодными телами...
Кому отсыпать пониманья горсточку?
Подайте кто-нибудь щепоточку тепла...

Фантазия для пишущей машинки

Он слёг. Хворал недолго. Отошёл.
Собрали небогатые поминки.
И вдруг – уже усевшись за стол —
Услышали стук пишущей машинки.

Сидевший с краю зять тихонько встал,
Дверь кабинета приоткрыл неловко...

Град торопливых клавишей стучал,
Крутился валик, тренькала коробка,
Выбрасывались веером листы
И слово билось головой в страницу...

Как надо ничего не пропустить!
Как надо торопиться, торопиться,
И делать вид, что это так легко,
Что каждый лист спокойно аккуратен,
Покуда он ещё не далеко,
И слышно всё, что хочет досказать он...

Кухонная элегия

Вредно курить? Кури...
Времени перерыв.
Ночи усталый свет.
Отдыха табурет.
Руку ко лбу притронь.
Газа пустой огонь.
Над головой – твоё
Стираное бельё.
Мутно вода сошла.
Ванна белым-бела.
Сумка пустым-пуста.
День хлопотать устал.
Капает вечный кран.
В темя долбит обман.
В память воткнулась ночь.
Как вороненый нож.
Тесный мирок угла.
Где-то – колокола.
Где-то – магнитофон.
Где ты, хороший сон?
Как далеко кровать...
Вредно существовать.

Три выдержки из женской болтовни

...Я всё болтаю, не слушай,
вам, мужикам, не понять,
хочется высказать душу.

Ну, обними же меня!

...В родах участвуют двое,
ну, вылезай же, сынок!
Будем шептаться с тобою
по вечерам, перед сном...

...Пусто и холодно с краю.
Страшная, злая кровать!
Что ж это? – вот, помираю,
Не с кем и слова сказать...

Вадик

Что-то опять в газетах
Стали считать ракеты.
Где-то опять движенье
В пользу вооруженья.
Кому-то опять неймётся.
Как-то всё обернется?...

Что же меня зацепило?

Припоминаю – было:
Словно сигнал к веселью —
Вдруг
топоток за дверью,
Вдруг
голосочек спросит:
– Можно к тебе в гости?
И как бесшумная рыбка
Сперва вливала
улыбка.
За нею – полной луною —
Являлся и сам собою
Стеснительно, но солидно,
Этакий мини-мужчина.
Застенчивая походка...

Но надо все поглядеть!

– А можно надуть лодку?

– А можно в ней посидеть?

– Это удочка или палка?

– А она раздвигается как?

– А поедем с тобой на рыбалку?

– А я понесу рюкзак?

– Конечно, поедем...

Было...

Что же меня зацепило?

Какое-то слово знакомое...

Саркома...

Мужчина и женщина

Мужская грязная нога.
Тяжёлый дух сырой портянки,
мужского пота, сапога,
незаживающие ранки
над веною, где кровь бунтует,
и гной сочится, бередя...

И женщина её бинтует —
так чисто, нежно, так щадя...

Клуб однолюбов

Мне приснилось сегодня, что я безымянный
и древний, —

Много старше, чем Данте, старей Низами...

Мне приснились сегодня седые, сухие деревья
В серых сумерках, где ни небес, ни земли.

Там они, закосневшие прочно в святом постоянстве,
Отклоняя услуги попа и врача,
Без опоры и крова бесшумно витают в пространстве
И порою ветвями о ветви стучат.

В тусклом времени, как в тихоструйном ленивом потоке,
Их вращает судьбина, колышет пустяк...
Никогда не живут короеды, жуки, древоточцы
В слишком плотных, до гулкости твёрдых костях.

Чем-то собраны вместе, они не составили круга,
Не сошлись в ячейки случайных семей.
Им, похоже, не надо общаться и даже друг с другом,
Ибо каждое знает само по себе...

Мне приснилось сегодня название: Клуб однолюбов;
Серый дом, где входящие в дверь не стучат,
Где не ждут ничего пожилые спокойные люди

И молчат – удивительно чисто молчат.

Из Японии с любовью

В. А. Друзь

Мне подарили голоса и звуки,
И этот дар невидимо со мной.
Я слышал – на ветру шумят бамбуки,
Звучанье сямисэна за стеной,
И моря гул, и лёгкое паденье
Иглы сосновой в ласковый песок,
И вздохи рассыхавшихся досок,
И ветер, замолкавший в неведение,
Над лёгким домиком под хрупкой крышей,
На перепутье множества путей...
Линяли краски яркие затем,
Что слишком громкий цвет мешает слышать.

И контуры утратили рисовку,
И линии растаяли в тушёвке,
И зримый мир тускнел и уходил,
Поскольку только видимостью был.

Но всё же грусти не было со мной.
Был шёпот, и ласкающие руки,
И на ветру шумящие бамбуки,
И сямисэн – за тоненькой стеной...

Назначение

Перевал через полночь,
где времени ветер вещает
и пророчит о том,
что не видно ещё за горой...
Обрастаю людьми,
как иной обрастает вещами.
Окруженьем оброс,
как сосна обрастает корой.

Но сейчас
продувает с вершины сквозная тревога
и знобит,
освистав назначенье моё на земле.
Может я – лишь лишайник
на кряже у Господа-бога
и чешуйка коры
на великом вселенском стволе?

На ночном перевале,
где ветра глагол постигаешь,
измеряешь судьбу,
и нельзя ни придать, ни отнять...
И чешуйка-сынок,
прирастая к плечу, засыпает.

И смолинка-слеза
невзначай прошибает меня.

Ночные попутчики

По весне за плотвой шершавою,
Электричкою предпоследнею,
Дальше – влажной апрельской просекой...
Два попутчика запоздалые,
Два фонарика светят бледные,
– До реки доберёмся до свету?

– Доберётесь. Так прямо и топайте!...
Обогнали – высокий и низенький —
В разговор погрузившись свой.
Долетают слова – не шёпотом,
Издалёка, а вроде близенько.
Я давно не слышал тех слов.

И как будто за ними двинулось
Молчаливейших елей воинство,
Выходя из рассвета серого.
А слова звучат по-старинному,
Так как некогда:
Чечь,
Достоинство,
Право-судие,
Мило-сердие...

Спины

Не впереди, не сзади,
а где-то в середине,
шагаем мы в отряде
и видим только спины —
тугие от работы,
на солнце побелёны,
пропитанные потом
горячим и солёным.
Волну плечей колышет,
впивая взгляда жженьё,
трапецевидной мышцы
упрямое движенъё.

Невидимые лица,
непомнимое имя,
забытые страницы,
но мы идём за ними.
И как бы нам ни трудно
в предожиданьи битвы,
мы знаем, что покуда
мы спереди прикрыты.
Какая б ни засада,
какие б там ни мины,
но мы пока что сзади,

пока мы видим спины...

Но реже их завеса,
всё больше видно брешей,
теперь уж не надейся
на редких уцелевших,
вставай в шеренгу с ними,
и речь не о награде —
упёрты в наши спины
глаза идущих сзади.

Необходимость света

Когда набег валов и вихрей страшен,
И ходит ходуном земная твердь,
Есть негасимый свет маячных башен,
Как память о любви и о добре.

Есть воля, не играя с бурей в прятки,
Влезать по лестнице, витой как смерч.
Есть человек, всходящий на площадку —
Фонарь надежды в грозный час зажечь.

И есть высокая необходимость
Под дуло ветра подставлять висок,
Встречать лучом удар лихой години
И пену зла стирать со лба и щёк.

Исполнение обязанностей

Моим однополчанам посвящаю

Эшелоны

Вновь локомотивы и вагоны,
Да летящий мимо дым.
Эшелоны, эшелоны, эшелоны,
Отданные молодым.

С четырёх сторон – лихие ветры,
Солнце нас берёт в прицел,
И подаренные километры
Нижутся на нити рельс.

На плечах не груз – двадцатилетье.
Быть или не быть – не нам вопрос.
Вот промчался, разгоняя ветер,
Встречный электровоз.

Громкие платформы пролетели,
И на солнце – ярче серебра —
Молодые, рвущиеся в дело,
Работяги-трактора.

А у нас на грузных, восьмиосных,
Закреплёны и зачехлены,
Дыбятся машины тупоносые,
Сделанные для войны.

И пока ещё живучи войны,
Над планетою тревожен дым,
Будут мчаться, мчаться эшелоны,
Отданные молодым.

Бодрствующая смена

Потихонечку сопящие
в глубине большого сна,
очень беззащитны спящие,
доверяющие нам —

пассажиры ли купейные
в машинистовой руке,
отдыхающая смена ли
в караульном городке,
косари неутомимые,
прикорнувшие на час,
утомлённые любимые
на подложенных плечах...

Так доверчиво медлительно
их дыхание в висок...

Человечество, будь бдительно!
Не давай резать сон!

Полигоны

Полигоны, полигоны —
то барханы, то полынь.
На плечах у нас погоны,
где эмблемами – стволы.

Офицеры наведенья
собрались в один кружок.
Нынче части день рожденья,
нынче каждый – царь и бог.

Командир внушает строго —
«Молодёжь, не подведи!».
Сзади – дальняя дорога,
нынче стрельбы впереди.

И сержант, в поту умытый,
командиру говорит —
«Всё чужое будет сбито,
всё своё пускай летит!».

Полигоны, цели, стрельбы,
солнце знойное палит.
И над нами наше небо —
продолжение земли.

Учебные стрельбы

Сегодня – полёты,
Сегодня – мишени.
Высокие ноты
Высотных сражений,
Пока что учебных,
Пока что нестрашных...
В сегодняшнем небе
Нет места вчерашним,
Нет места сомненьям
Над быстрою бездной,
Вчерашним уменьям —
Уже бесполезным.
Есть прочное место
Для завтрашних взлётов.
Из крепкого теста
Сегодня пилоты.
А мы их сбиваем – условно, учебно...
Напряжное, нужное время – ученья.

Обережный круг

Аэрофлотские огни.
На старт выруливает ветер.
Господь-пилот, ты сохрани
Ту, что всего одна на свете!

Прожекторами шевеля,
Напрягши маяки до боли,
Да сохранит тебя Земля,
Пилот, в твоей опасной доле.

И стоя на своём посту,
На грани темноты и света,
Я Землю сохраняю ту,
Что лучше нет, и хуже нету.

Так нужно каждому из нас
В своём пожизненном полёте,
Не прерываясь ни на час,
Всегда хранить, беречь кого-то.

...И напряжённые зрачки
Остановив на альтиметре,
Пилот доверчиво хранит,
Ту, что всего одна на свете.

Ночь тревоги

Была объявлена тревога.
Всю ночь не спал, насторожён,
Готовый к исполнению долга,
Ракетный наш дивизион.

А ночь была такую белой,
И словно встав на якоря —
На маковки елей – горела
Неярко рыжая заря.

А мы сидели до рассвета,
Врагам – застава на пути.
И чутко нюхали ракеты
В зелёном небе – кто летит?

А эту ночь мы пропустили.
Под утро нам был дан отбой —
Наверно, потому, что были
Мы все принять готовы бой.

День рождения

Я заступаю в день рождения
дежурным пульта наведения.
Нас трое у большого пульта.
Минуты, строгие, как пули.
Они лежат у нас в ладонях
так, как лежали бы в обоймах.
И шесть часов, как шесть снарядов,
как мегатонные заряды,
и каждый грозен и тревожен,
и каждый час взорваться может.
А на экране, как по фронту,
Земля развёрткой развёрнута.
И мы следим за нею пристально,
мы бережём её так истово.
Мы бережём её старательно,
как берегут детишек матери,
как берегут любимых девушек,
в голодную годину – хлебушек,
как совесть берегут от тления,
как знамя – посреди сражения.
Мои товарищи суровы.
Лишь редко глухо стукнет слово.
Мои товарищи спокойны,
как будто им подвластны войны.

И нет на лицах их тревоги.
Они сейчас почти как боги —
из тех, что держат шар земной
в тугих руках над головой...
Хороший шарик голубой,
с росой, с рассветами, с тобой,
с моим вихрастеньким сынишкой,
и с недочитанною книжкой,
где столько много недоделано,
где мы у пульта наведенья,
чтоб мирны были дни рожденья.

Зона

Песка и полыни смешенье.
Жарищи безжалостный свет.
Разбитые напрочь мишени.
Обломки крылатых ракет.

Мы в Зону уходим не строим,
минуем внимания знак,
и делаем дело, о коем
не всем полагается знать,
без спешки, но без передышки...

И время зависнет, как взрыв,
пока не развоетса вышка,
покуда в стрельбе перерыв.

А после угрюмой сирены,
когда мы кончаем наш труд,
то в Зону, солдатам на смену,
стадами сайгаки идут.

Бегут, как в пустыню – аскеты,
спасать отбивные бока,
как будто бы лучше ракеты,
чем дюжина пуль из А-Ка.

Они исповедуют ныне,
в двадцатый расстрелянный день,
что лучшее в мире – пустыня
и взрывы
– но без людей.

Зимой тут безлюдья законы,
мороз над пустынею крут...

Опять отправляемся в Зону.
И снова сайгаки бегут.

Песня пули

Сплошная сталь вокруг меня
И только впереди —
Тоннель, как выход из огня,
С нарезкой на пути.
Конец тоннеля – свет во мгле,
А значит – цели там.
Но я пока лежу в стволе
И вешу девять грамм.

Заряд в порядке, капсюль сух,
Из дула я гляжу,
Перед своим полётом дух
Пока перевожу,
Готова к выстрелу вполне —
А выстрел будет дан!
Но я ещё лежу в стволе
И вешу девять грамм.

И обстановка мне ясна,
Из дульного зрачка
Я вижу этот мир сполна,
Я жду наверняка.
Тревожно нынче на земле
И невтерпёж врагам.

А я уже лежу в стволе
И вешу девять грамм.

Всего-то дела – навести,
Да и спустить курок!
Боёк ударит в зад – лети,
Не выбирай дорог!
И я не в гневе, не во зле
Пульну навстречу вам...
Пока что я лежу в стволе
И вешу девять грамм.

Но тот, кто выставит прицел,
И кто нажмёт курок,
Пусть поглядит, покуда цел,
На лучший из миров.
Он должен знать, а если нет —
Скажите – где-то там
Моя сестра лежит в стволе
И весит девять грамм.

Мужество

Берёт за горло волк, зверея с голоду.
А заяц прочь бежит, коль что не так.
Бредёт на бойню бык, понунив голову,
Но прячется в расселине слизняк.
Плетёт паук зловредненькое кружево,
А древоточец черноту сверлит...
Никто в тебе не воспитает мужества,
И смелости никто не подарит.

И в страхе отрухляветь и заплесневеть,
Но чтоб и сердцем не окаменеть,
По совести идёшь ты, как по лезвию,
Где выбор только между «да» и «нет».

Ко всей земле прислушаешься в полночи
И в белых днях трудящихся людей,
Чтоб во время услышать зов о помощи,
Творящуюся подлость разглядеть,
И если надо – твёрдо встать над пропастью,
И не продать себя за серебро,
Принять как неизбежное – жестокость,
И как необходимое – добро.

Ты сам себе выковываешь мужество,

Ты с ним преодолеваешь зло и боль.
Оно тебе, как личное оружие,
С которым завтра ты пойдёшь на бой.

Баллада отбившегося

На север, на север ушёл отряд,
огнём и бронёй гремя.
Ребята сейчас обо мне говорят,
они потеряли меня.

Я сам виноват, я отбился от них,
дыханье меня подвело.
я ноги набил, запыхался и сник.
Меня не туда занесло.

Я в небо стрелял, и чтоб быть видней,
влез на скалу, как дурак.
И врезал очередь по мне
от своих отбившийся враг.

Видать, Аллах заслонил меня —
промазал он сгоряча.
Я залёг в камнях, в середине дня,
с полной выкладкой на плечах.

И солнце, как из вагранки льёт,
и пульс колотит под дых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.